

Глава 2

По мере того как близнецы с Шестью глазами подрастали, ожидания клана Годжо неуклонно росли.

Окружающие ощущали это сами: проклятая энергия в телах обоих детей прибывала день ото дня, далеко опережая всех прочих отпрысков клана. По одному только её объёму несложно было предугадать — оба ребёнка станут настоящими гениями. И потому Годжо Сэйити, который прежде ещё мог время от времени навещать сыновей, постепенно лишился и этой возможности.

Когда дети подросли и начали осознавать происходящее, глава клана и старейшины уже не могли допустить, чтобы биологические родители Богорождённых с Шестью глазами сохраняли над ними слишком большое влияние.

Богорождённый должен пребывать высоко на алтаре — нетронутый, недостижимый. Даже родным родителям надлежит склонять колени у подножия, не претендуя ни на какое особое положение.

Годжо Сэйити очень хотел воспротивиться. Близнецы с Шестью глазами — его родные сыновья. Опираясь на них, он вполне мог захватить куда больше власти и влияния в клане. Вырасти они в близости к отцу, привыкли слушаться его слова — и он, по сути, держал бы в руках самое грозное оружие будущего мира магов.

Искушение было неодолимым. Но пока сыновья ещё не выросли, противостоять главе и старейшинам Сэйити был не в силах.

Глава клана понимал, где пролегает граница. Сэйити и его жена — биологические родители Богорождённых, убивать их определённо не следовало. Тайн без единой щели не бывает, а узнай Богорождённые правду, когда вырастут, — и они запросто отвернутся от клана. К тому же Сэйити — законный наследник. Казнить его без явной вины было нельзя.

Поэтому глава клана осыпал Годжо Сэйити щедрыми благами, задабривая его. Да, к родным сыновьям-Шестиглазым Сэйити больше не приближался — зато получал всё, чего желал. А пойдя он против воли главы и старейшин — прав на воспитание сыновей всё равно не вернул бы.

Взвесив всё на весах выгоды, Сэйити уступил.

Что касается матери — женщины, родившей двух Богорождённых, жены Годжо Сэйити — ни глава клана со старейшинами, ни собственный муж не считали эту женщину с ничтожными запасами проклятой энергии достойной внимания. Никому не было дела до её мыслей и чувств.

После того как Годжо Хара и Годжо Сатору явили достаточно таланта, глава клана — прежде занимавший выжидательную позицию — начал всё чаще появляться перед детьми. Правда, каждый его визит сводился к одному и тому же: проверить, насколько возросли запасы проклятой энергии.

И каждый раз он убеждался в этом к своей безмерной радости: почти каждый день проклятая энергия обоих Шестиглазых прибывала.

К первому месяцу жизни она уже превосходила запасы среднестатистического шестилетнего мага. К годовщине — достигла уровня обычного взрослого.

Глава клана также заметил, что братья, кажется, чрезмерно привязаны друг к другу. Стоило разлучить их — оба начинали капризничать. Но стоило вернуть рядом — тут же успокаивались и делались тихими. Особенно это касалось старшего — Хары. Стоило унести его от Сатору, как он немедленно заходился плачем и не унимался до тех пор, пока его не возвращали обратно.

Разлучать детей и воспитывать их раздельно — эту мысль главе пришлось похоронить.

Обладатели Шести глаз поглощали информацию об окружающем мире непрерывно, без остановки. Поэтому и ходить, и говорить они научились куда быстрее обычных детей.

К году Хара уже уверенно добирался до братика Сяо У, плюхался рядом и, прильнув к нему боком, тихо и сладко тянул:

— Братишка... Сяо У...

Если Сяо У не отзывался, Хара повторял снова и снова — пока тот наконец не откликнулся:

— Братик!

Лишь тогда Хара успокаивался, расцветая довольной, чуть сонной улыбкой. И всё равно придвигался поближе, тёрся об братика — просто так, для тепла.

Сяо У тоже любил тесниться рядом с братом. Стоило приблизиться к Харе, как поток информации, нескончаемо льющийся сквозь Шесть глаз, немного утихал, и на душе становилось легче. А ещё он явственно чувствовал тёплую, переполненную любовь брата — и невольно хотел откликнуться тем же.

Двое белоголовых малышей с синими глазами, прижавшихся друг к другу — совсем как два белых котёнка, устроившихся рядышком и вылизывающих друг друга. Умильное это зрелище не давало служанкам покоя: то и дело кто-нибудь из них украдкой поглядывал в их сторону.

Исподтишка смотреть на молодых господ было против правил. Но кто же устоит перед такой парочкой?

Хара и Сяо У грелись на солнышке, клевали носами бок о бок. Тёплые лучи нежно щекотали кожу, и оба малыша — один за другим — тихонько соскальзывали в сладкий послеполуденный сон.

Когда глава клана Годжо пришёл провести Богорождённых — как обычно, с проверкой, — он застал обоих детей, дремавших, свернувшись клубочком. Он остановился на мгновение, но всё же подошёл, мельком проверил уровень проклятой энергии и собрался уходить.

Приближение главы не осталось незамеченным. Хара настороженно открыл глаза — синие, яркие, как осколки неба — и вперил взгляд в гостя.

Сяо У тоже почувствовал, что кто-то пришёл, и начал шевелиться. Но Хара тут же подтянул его к себе, укрыл в объятиях и мягко прижал его голову к своему плечу. Носом Сяо У уткнулся брату в грудь.

Ощувив братское успокоение, сонный Сяо У решил, что опасности нет, и без лишних раздумий снова провалился в дрему.

Хара смотрел на главу клана — предупреждающим, немигающим взглядом. Годовалый ребёнок. А взгляд — как удар. Глава почувствовал, как у него ненамеренно ускорился пульс.

«Вот она — мощь Шести глаз»

Как же замечательно! Хотя это близнецы — но похоже, что сила Шести глаз ничуть не разделилась между ними. Такая властность в столь раннем возрасте... Впереди их ждёт нечто великое. С такими Шестиглазыми клан Годжо в скором времени безраздельно воцарится над всем миром магов!

На лице главы невольно проступила довольная улыбка. Он мягко кивнул Харе, поднял правый указательный палец к губам — мол, не шумлю, Сатору не разбужу.

Хара убрал предупреждающий взгляд. Глаза потеплели — он смотрел на братика, мирно посапывающего у него на груди. Когда именно ушёл глава клана, он даже не заметил. Впрочем, ему было не до того: боясь лишний раз шевельнуться и потревожить сон братика, он так и сидел — не двигался, не тянулся никуда — и смотрел, смотрел на сопящего Сяо У, пока душу не заливало тихим, бездонным счастьем.

Сяо У проспал до полдника. Наконец он зашевелился, медленно разлепил глаза — синие, как небо после дождя, — смаргивая остатки сна. Голос был сонный, протяжный:

— Онии-сан...

Как котёнок, только-только открывший глаза, он завертел головой в поисках брата, а руки уже — раньше, чем мысль успела оформиться, — нашли его и обвилились вокруг.

<http://bllate.org/book/19549/1950603>